

ПОДЪ СЪНЬЮ АЙЯ-СОФИИ.

(Разсказъ).

Былъ дождливый ноябрьскій день. Сѣрыя тучи окутали густымъ покровомъ небесный сводъ и, опускаясь все ниже и ниже, какъ бы хотѣли совершенно прикрыть собою шумныя улицы Константинополя, который, однако, несмотря на это, кипѣлъ своею обычною жизнью.

Вереницы людей и экипажей сновали взадъ и впередъ, наполняя насыщенный влагою воздухъ несмолкаемымъ шумомъ и гамомъ толпы.

Особенная суতোлка происходила у новаго моста черезъ Золотой Рогъ, противъ темной громады мечети султана Валидэ. Здѣсь пѣшеходы, смѣшавшись съ всевозможными экипажами, образовали сплошную подвижную массу, неудержимо стремившуюся на противоположный берегъ, и стражники, взимавшіе плату за право движенія по мосту, едва успѣвали выполнять эти свои обязанности.

«Чортъ бы побралъ этотъ проклятый мостъ», ворчалъ про себя одинъ изъ прохожихъ, пробираясь черезъ толпу къ сторожевой будкѣ. Онъ былъ плотно закутанъ въ черный плащъ, широкій капюшонъ котораго совершенно закрывалъ его голову. Пронизывающій дождь, падая съ неба, съ шумомъ ударялъ по этому капюшону и цѣлымъ ручьями струился внизъ по плащу, пропитывая его все болѣе и болѣе.

Уплативъ монету сторожу, этотъ человѣкъ въ плащѣ быстро зашагалъ по мосту, какъ бы стараясь наверстать потерянное время и обгонялъ другихъ пѣшеходовъ.

Достигнувъ противоположнаго берега, онъ свернулъ направо и направился къ вокзалу электрической дороги, ведущей изъ Галаты въ Перу. Тутъ онъ остановился и очевидно кого-то сталъ поджидать; глаза его, сверкавшіе изъ-подъ капюшона, зорко оглядывали прохожихъ, которые, торопливо взявъ билеты въ кассѣ, спѣшили занять свои мѣста въ вагонѣ.

Такъ прошло больше часу; онъ начиналъ уже терять терпѣніе и, поминутно вынимая часы и смотря на нихъ, ходилъ взадъ и впередъ вдоль небольшой, крытой площадки, служившей вокзаломъ.

Уже начинало темнѣть, и томительный полумракъ царилъ въ этомъ, едва освѣщенномъ, коридорѣ.

Вдругъ отъ стѣны, мимо которой онъ только что прошелъ, отдѣлился какой-то низенькій человѣчекъ, лицо котораго разсмотрѣть въ темнотѣ было трудно и, быстро догнавъ его, какъ бы нечаянно задѣлъ локтемъ и, не останавливаясь, направился въ вагонъ поѣзда.

Однако, незнакомецъ въ плащѣ все же успѣлъ уловить тихо сказанное ему «живи, иди за мной», и онъ тотчасъ же, послѣдовавъ за нимъ, вошелъ въ вагонъ и усѣлся съ нимъ рядомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ тронулся, и вагоны, слегка дребезжа оконными стеклами, плавно покатались по рельсамъ, быстро поднимаясь наверхъ.

Оба незнакомца сидѣли молча, причемъ маленькій человѣчекъ все время, слегка отвернувшись отъ сосѣда, внимательно смотрѣлъ въ окно, какъ бы желая разглядѣть что-то въ царившей кругомъ темнотѣ.

Но вотъ легкій толчокъ и поѣздъ остановился.

Маленькій человѣчекъ, не произнеся ни одного слова, быстро вскочилъ съ своего мѣста и устремился къ выходу, смѣшавшись съ прочей, выходящей изъ вагоновъ, публикой. Господинъ въ плащѣ послѣдовалъ за нимъ, и они вышли на улицу Большая Пера.

Таинственный проводникъ увѣренно шелъ впередъ и, пройдя нѣкоторое время по этой многолюдной и шумной улицѣ, свернулъ въ одинъ изъ темныхъ и узенькихъ переулковъ.

Онъ шелъ такъ быстро, что слѣдовавшій за нимъ незнакомецъ въ плащѣ едва успѣвалъ, чтобы не потерять его изъ виду въ этомъ лабиринтѣ глухихъ коридоровъ. Наконецъ, они начали спускаться

внизъ; господинъ въ плащѣ на каждомъ шагу оступался и хватался за стѣну, чтобы не упасть, въ то время, какъ шедшій впереди незнакомецъ продолжалъ идти такъ же быстро и увѣренно, перепрыгивая черезъ потоки дождевой воды, съ шумнымъ журчаньемъ бѣжавшіе вдоль переулка.

Но вотъ, проходя мимо одной едва замѣтной двери въ темной стѣнѣ, таинственный проводникъ, какъ бы невзначай, дернулъ за торчащій наружу крючокъ, оказавшійся, однако, звонкомъ, и затѣмъ, не останавливаясь, быстро пошелъ дальше и скоро скрылся въ темнотѣ переулка. Шедшій за нимъ господинъ въ плащѣ, потерявшій изъ виду своего проводника, остановился и, съ безпокойствомъ вглядываясь въ окружающій мракъ, взялся за оружіе и, очевидно, подъ плащемъ держалъ его наготовѣ.

Но кругомъ было тихо и слышенъ былъ лишь шумъ дождя, непрерывно ударявшаго по крышамъ домовъ.

Вдругъ ему почудился какой-то шорохъ за стѣной, у которой онъ стоялъ и, быстро обернувшись, увидѣлъ въ ней дверь, которую не замѣчалъ раньше; за этой-то дверью теперь онъ уже совершенно ясно могъ различить чьи-то шаги. Вслѣдъ затѣмъ дверь безшумно слегка приоткрылась и изъ образовавшейся темной щели онъ услышалъ тихій шопотъ: «кого нужно»?

«Живіо, Спиридонъ», также тихо отвѣчалъ пришедшій, и дверь, отворившись, пропустила его въ темный коридоръ, а затѣмъ тотчасъ же, и также безшумно, закрылась за нимъ.

Здѣсь онъ почувствовалъ, что кто-то взялъ его за руку и, сказавъ — «идемъ», повелъ его сперва по коридору, а затѣмъ по узкой и столь же темной лѣстницѣ. Наконецъ, они остановились на небольшой площадкѣ и незнакомецъ постучалъ въ дверь, которую тотчасъ же открыли; они вошли въ небольшую комнату, служившую прихожей, и освѣщенную висящей на стѣнѣ небольшой керосиновой лампой.

Встрѣтившій ихъ здѣсь слуга помогъ вошедшему снять его совершенно измокшій плащъ, съ котораго вода цѣлыми ручьями текла на полъ.

Раздѣвшись, онъ крѣпко и дружески потрясъ руку своему спутнику, очевидно, узнавъ въ немъ своего хорошаго знакомаго, если даже не пріятеля, и затѣмъ оба вошли въ слѣдующую комнату, служившую, очевидно, гостиной и также освѣщенную прикрѣпленною къ потолку керосиновой лампой.

Перекинувшись другъ съ другомъ нѣсколькими фразами, они

прошли въ слѣдующую комнату, въ которой за столомъ сидѣло четверо людей. При входѣ ихъ они встали и дружески привѣтствовали вновь пришедшаго, называя его Спиридономъ. Затѣмъ всѣ снова усѣлись за столъ.

Теперь при свѣтѣ огня можно было рассмотреть всѣхъ присутствующихъ.

Всѣ они, очевидно, принадлежали къ одной и той же народности одного изъ южно-славянскихъ племенъ; это были люди приблизительно одного возраста, около сорока лѣтъ, и лишь хозяинъ, сидѣвшій на концѣ стола и котораго всѣ называли Данило Ивановичемъ, выглядѣлъ нѣсколько старше другихъ.

Теперь всѣ они сидѣли, какъ будто отъ нечего дѣлать попивая вино изъ кружекъ, но въ то же время видно было, что они чѣмъ-то заняты, такъ какъ каждый изъ нихъ время отъ времени писалъ какія-то замѣтки карандашемъ и дѣлалъ какія-то вычисленія.

Ставни въ окнахъ были плотно закрыты; ни малѣйшій лучъ свѣта не проникалъ наружу, и съ улицы никто не могъ предполагать, что здѣсь засѣдаетъ эта компанія.

— Ну, Федя, готово у тебя? спросилъ между тѣмъ хозяинъ одного изъ присутствующихъ.

— Готово, отвѣчалъ тотъ и тихимъ голосомъ сталъ подробно рассказывать объ Адрианоуполѣ, объ его мѣстоположеніи и окрестностяхъ; о томъ, откуда наилучшій видъ открывается на этотъ городъ; о томъ, гдѣ бы могли скрыться влюбленные парочки и видѣть все, а самимъ оставаться невидимыми, и какія дистанціи отъ этихъ укромныхъ уголковъ до различныхъ мѣстъ города и живописно разбросанныхъ вокругъ него укрѣпленій.

Однимъ словомъ, онъ нарисовалъ полную картину Адрианополя, и присутствующіе, внимательно слѣдя по картамъ и дѣлая на нихъ отмѣтки, получили совершенно ясное о немъ представленіе во всѣхъ отношеніяхъ.

— Ну, а ты Гриша, что намъ расскажешь? обратился Данило Ивановичъ къ рядомъ сидѣвшему съ нимъ гостю, какъ только Федя закончилъ свой рассказъ.

Гриша такимъ же тихимъ голосомъ, безпрестанно заглядывая въ лежавшую передъ нимъ карту и въ свои, сдѣланныя карандашомъ, замѣтки, описалъ свое путешествіе изъ города Ниша черезъ Вранью и Ристовацъ въ Ускюбъ; при этомъ онъ такъ подробно изложилъ все это, что для всѣхъ присутствующихъ путь этотъ во всѣхъ подробностяхъ сталъ настолько ясенъ, будто они сами только что по нему проѣхали.

Послѣ него своими впечатлѣніями подѣлился другой, сидѣвшій рядомъ съ Спиридономъ, гость. Онъ въ поэтическихъ выраженіяхъ описалъ орлиныя, темныя горы Черной горы съ ихъ безжизненными, но полными дикаго величія скалами, съ которыхъ вотъ уже сколько вѣковъ сизокрылыя орлы зорко высматриваютъ себѣ дороги въ нѣдра пустынной Албаніи; при этомъ рассказчикъ подробно намѣтилъ на картѣ и эти пути.

Четвертый гость рассказалъ о древней, роскошной Элладѣ, о славномъ царѣ Македонскомъ и о томъ, какъ совершалъ онъ свои походы и затѣмъ какъ двигалъ войска изъ Фарсалы-Лариссы назадъ въ Македонію.

— Ну, а ты, что расскажешь намъ, друже? спросилъ Даніило Ивановичъ Спиридона, и всѣ обратили на него свои взоры.

Тогда Спиридонъ заговорилъ о своей жизни съ османами, о томъ, что было у нихъ и что стало теперь.

— Только боюсь я этихъ новыхъ порядковъ, такъ говорилъ онъ; хотятъ они все передѣлать на ладъ европейскій и грозную силу создать, хотятъ они вылечить раны старинныя и обновленныя рати поднять!

— И неужто имъ все удастся? съ тревогою въ голосѣ спросилъ Даніило Ивановичъ.

— То-то, на счастье, много срывается, отвѣчалъ Спиридонъ; вѣдь османы мирный народъ, не размашистый, и шагать впередъ быстро не любятъ. Говорятъ имъ «шагъ впередъ», а они—шагъ назадъ, ну и срывается.

Присутствующіе какъ бы вздохнули съ облегченіемъ и съ напряженнымъ вниманіемъ продолжали слушать Спиридона, который, между тѣмъ, говорилъ:

— Велика у нихъ сила воздѣйствія, но сильно и противодѣйствіе, и пока они воду лишь въ ступѣ толкутъ. Но врядъ ли такъ долго продолжится, и партія жизни смерть побѣдитъ, а тогда и сосѣдямъ по шеѣ достанется!

— О, драгоценное время! Кто его потеряетъ, тотъ все потеряетъ! какъ бы невольно вдругъ воскликнулъ Даніило Ивановичъ, и всѣ гости повернули головы въ его сторону.

Спиридонъ умолкъ, а затѣмъ черезъ мгновеніе поднялся съ своего мѣста и, сказавъ, что ему пора идти, наскоро простился съ хозяиномъ и другими гостями и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Черезъ минуту онъ уже шелъ по улицѣ, попрежнему закутанный въ свой черный плащъ.

Тѣмъ временемъ дождь пересталъ, но зато подулъ холодный вѣтеръ, который разогналъ туманныя облака и открылъ далекое синее небо, съ высоты котораго яркій свѣтъ луны озарилъ мокрыя и теперь совершенно пустынные улицы Стамбула.

По одной изъ такихъ улицъ отдаленнаго, глухого квартала Али-Паша быстро шелъ человѣкъ, по черному плащу котораго можно было узнать, что это былъ Спиридонъ.

Близъ мечети Магомета II Завоевателя, онъ вошелъ во дворъ одного изъ большихъ грязныхъ домовъ и скрылся въ одной изъ дверей. Поднявшись по деревянной лѣстницѣ въ первый этажъ, онъ постучался въ низенькое окошко; скоро ему отворили дверь, въ которую онъ и вошелъ.

— Какъ я радъ, что вы пришли! сказалъ ему встрѣтившій его слуга, одѣтый въ албанскій костюмъ. Я всегда очень безпокоюсь, когда вы уходите въ этомъ одѣяніи, продолжалъ онъ, запирая дверь и снимая съ него плащъ.

— Ну, Петро, ты, кажется, за всѣ мои костюмы боишься, на тебя не угодить. смѣясь отвѣчалъ Спиридонъ. Давай-ка, братъ, скорѣй переодѣться.

— Во что? спросилъ Петро.

— Мустафой, коротко отвѣчалъ Спиридонъ и быстро прошелъ въ небольшую полутемную комнату, служившую ему спальней.

Черезъ нѣсколько минутъ оттуда вышелъ настоящій турокъ, въ которомъ никто не узналъ бы прежняго Спиридона.

Подойдя къ стѣнѣ, онъ вынулъ изъ тщательно замаскированнаго потайнаго ящика маленькій образъ-складень Спасителя и, преклонивъ передъ нимъ колѣна, горячо молился, не сводя глазъ съ святаго лика Того, у Котораго, казалось, просилъ благословенія передъ какимъ-то серьезнымъ дѣломъ. Петро стоялъ позади своего господина, и губы его также шептали молитву.

Черезъ нѣсколько минутъ Спиридонъ всталъ, поцѣловавъ образъ, снова спряталъ его въ стѣнѣ и, взявъ изъ рукъ Петро толстую палку, вышелъ на улицу.

Теперь онъ шелъ увѣренно и медленно и, переходя изъ улицы въ улицу, вышелъ на площадь огромной мечети Сулейманіе. Была пятница, и въ мечети совершалась служба. Спиридонъ вошелъ туда и, снявъ свои туфли, проникъ внутрь самаго храма.

Огромная люстра, висящая чуть ли не надъ всей площадью мечети, свѣтилась сотнями горящихъ лампочекъ, придававшихъ весьма эффектный видъ огромному храму, по срединѣ кото-

раго, поджавъ подъ себя ноги, сидѣло значительное число молящихся.

Спиридонъ безшумно подошелъ къ нимъ и присѣлъ позади послѣдняго ряда.

Между тѣмъ служба продолжалась.

Мулла, стоя лицомъ къ нишѣ, сдѣланной въ восточной стѣнѣ мечети, заунывнымъ голосомъ, нараспѣвъ читалъ молитвы. Наконецъ, поднявшись на нѣсколько ступеней лѣсенки, ведущей къ мѣсту проповѣди главнаго муллы, онъ повернулся лицомъ къ молящимся и, возвышая голосъ, прочиталъ заключительную молитву изъ священнаго корана; служба закончилась.

Всѣ стали расходиться, но Спиридонъ постоялъ еще немного на мѣстѣ, пока мулла не подошелъ къ нему.

— Здравствуй, Мустафа, отчего такъ поздно сегодня? тихо сказалъ тотъ, здороваясь съ Спиридономъ, который въ своемъ настоящемъ видѣ былъ извѣстенъ здѣсь подъ именемъ Мустафы.

— Нельзя было, много дѣла, отвѣчалъ Мустафа, и они оба направились къ выходу.

Тихо разговаривая другъ съ другомъ, они вышли на площадь военнаго министерства и, пройдя ее, скрылись во внутреннѣй дворъ мечети султана Баязета.

Тутъ было еще довольно много народа, особенно близъ бассейна, въ которомъ правовѣрные умывали себѣ руки.

Мустафа тоже подошелъ и слегка помочилъ себѣ пальцы и затѣмъ оба вошли въ одну изъ выходящихъ на дворъ дверей. Пройдя короткѣй, темный коридоръ, они очутились на второмъ небольшомъ дворѣ и, свернувъ въ заднѣй его уголь, скрылись въ едва замѣтной, темной двери, а черезъ нѣсколько мгновеній уже входили въ большое просторное помѣщеніе, убранное въ восточномъ вкусѣ и освѣщенное нѣсколькими тусклыми фонарями.

На полу полулежа возсѣдали нѣсколько турокъ и, покуривая кальянъ, тихо о чемъ-то бесѣдовали.

Вошедшіе, отвѣсивъ всѣмъ общій поклонъ, тоже опустились на устланный циновками полъ и начали слушать.

— Итакъ, продолжай, сказалъ старый турокъ, хозяинъ этого дома, обращаясь къ толстому пожилому господину, сидѣвшему недалеко отъ Мустафы.

Одѣтый въ сѣрый костюмъ арестантскаго цвѣта, съ феской на головѣ, онъ, очевидно, принадлежалъ къ военному сословію и, судя по осанкѣ, занималъ въ немъ довольно видное мѣсто.

— Да, прямо невозможные порядки становятся! заговорилъ тотъ, новидимому, продолжая свой еще раньше начатый разговоръ. Недавно прѣѣзжалъ къ намъ въ Дураццо генераль изъ Салоникъ, приняли мы его, какъ слѣдуетъ, по-старинному, и все для него приготовили. Казалось бы—все хорошо! Но онъ и смотрѣть ни на что не желаетъ и отъ самыхъ лучшихъ подарковъ и отъ тѣхъ наотрѣзъ отказался.

«Вы мнѣ не это, а часть свою покажите», говорилъ онъ и приказалъ, чтобы баталіонъ нашъ на показъ ему вывести. Мы, было, стали его уговаривать, что не стоитъ, молъ, попусту время терять, но онъ и слышать не хочетъ—подавай баталіонъ, да и только! Ну и пришлось тутъ горячку пороть.

Вѣдь люди всѣ на работахъ, кто огороды командиру воздѣлываетъ, кто стережетъ генеральскихъ овецъ, а кто и садикъ мой украшаетъ; однимъ словомъ, безъ дѣла никто не болтается, и всѣ добросовѣстно службу несутъ. Пришлось теперь всѣхъ собирать и представить на смотръ генералу. И, что-жъ бы вы думали, что онъ затѣялъ? Просто даже смѣшно!

Приказалъ онъ построить баталіонъ по линейчкѣ и фокусы разные ему показать, а самъ все кричитъ: «маршировать не умѣютъ, носкомъ не играютъ и какъ медвѣди стоятъ; съ ружьемъ, какъ съ бревномъ, обращаются, а о строе—и понятія нѣтъ!» Но и этого мало. Вдругъ потребовалъ онъ показать занятія въ полѣ.

Господи, думаемъ мы, да вѣдь они у насъ въ полѣ только и занимаются! Что же ему еще надо! А онъ все кричитъ: «тактику, тактику мнѣ подавайте!» и такъ расходился, что не знали, какъ ему угодить. И вотъ онъ рѣшилъ, наконецъ, что въ полѣ мы вовсе уже неучи.

Тутъ я не вытерпѣлъ и ему доложилъ: «позвольте, молъ, ваше превосходительство, сотни лѣтъ назадъ наши предки страну покорили, но муштровкой нѣмецкой не занимались», а онъ на это ехидно такъ засмѣялся: «а наши предки Римъ спасли!» А потомъ, какъ закричитъ вдругъ опять: «да развѣ вы не понимаете, что тогда война учила, а теперь войнъ нѣтъ, такъ самимъ необходимо учиться, а съ этими неучами», и онъ показалъ на баталіонъ, «не побѣждать, а бѣжать съ поля сраженія будемъ и потеряемъ то, что завоевали наши дѣды».

Потомъ, помолчавъ немного, онъ приказалъ въ три дня обучить баталіонъ, чтобы хоть немного на солдатъ походили, а затѣмъ повернулся, сѣлъ на коня и уѣхалъ и съ первымъ пароходомъ отплылъ изъ Дураццо.

Мы же всё собрались и стали бесѣдовать о нашемъ горѣ, а вдали, по синимъ волнамъ, корабль австрійскій отъ насъ уносился и лихую грозу увозилъ. И когда пароходъ этотъ скрылся, мы облегченно вздохнули и опять разошлись по домамъ.

Но какой испытали мы ужасъ, когда вдругъ генераль, какъ сказалъ, черезъ три дня снова у насъ появился, и бѣдъ такихъ на-творилъ, что страшно даже и вспомнить!... И рассказчикъ откинулся назадъ и зажмурилъ глаза какъ бы при видѣ какого-то ужаснаго зрѣлища.

— А что же? въ одинъ голосъ спросили его всё присутствующіе.

— А то же, что взялъ, да и выпоролъ онъ половину; офицеровъ, такъ даже и тѣхъ не щадилъ!

— Да неужто? съ невольнымъ ужасомъ воскликнули всё.

— Что неужто? возразилъ рассказчикъ. И меня даже выпороли, сказалъ онъ, разведя руками, поникъ головой и умолкъ.

Въ комнатѣ воцарилось гробовое молчаніе и слышно было лишь дыханіе застывшихъ въ ужасѣ людей.

Наконецъ хозяинъ, поднявъ голову, глухимъ голосомъ произнесъ:

— Что же это, послѣдніе дни для османовъ настали? И сверкающимъ взоромъ онъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ.

— Видно, что такъ, какъ бы въ тонъ ему заговорилъ мулла, съ которымъ пришелъ Мустафа. Наши священники всегда безкорыстно служили народу, продолжалъ онъ, строго хранили завѣты пророка. И сколько насъ получало подъ сѣнью мечетей пріютъ и покойную жизнь. Мы въ городѣ городъ себѣ учредили, и никто намъ ни въ чемъ не перечилъ; и могуча была родина наша! И вдругъ, всё эти правила новыя! Придумали всюду контроль, не щадя даже храмовъ священныхъ, и норму для насъ учредили такую, что тамъ, гдѣ прежде сотни духовныхъ блаженство имѣли, теперь—десятокъ едва, да и тѣ голодаютъ! И все вы, презрѣнные, подлые! И мулла, сжавъ кулаки, со злобой грозилъ кому-то, кто былъ виновникомъ всей этой горечи. Но мы не дадимся! Не допустимъ ихъ торжества! воскликнулъ онъ снова и, поднявъ руки кверху, какъ бы приносилъ въ этомъ страшную клятву.

— Съ нами поступили еще хуже, заговорилъ другой изъ присутствовавшихъ, по наружному виду принадлежавшій къ разряду богатыхъ купцовъ.

Всѣ повернули головы въ его сторону и стали внимательно слушать.

— Съ издавнихъ поръ установлено, продолжалъ между тѣмъ купецъ, что жители Константинополя совершенно освобождены отъ воинской повинности, а теперь, благодаря новшествамъ этимъ, и насъ заставили служить въ войскахъ; но гдѣ это видано, чтобы именитый стамбульскій купецъ въ ряды солдатъ становился и, забросивъ торговлю свою, шагаль у воротъ Сераскеріата?

— И съ нами сдѣлали тоже, заявилъ еще одинъ изъ присутствовавшихъ, въ которомъ не трудно было узнать сына дикой Албаніи.

— И съ нами тоже, отозвался другой, сидѣвшій съ Мустафою рядомъ, житель знойной Аравіи.

— Значить, послѣдніе дни настали и конецъ намъ приходитъ! сразу заговорило нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ, воскликнулъ съ жаромъ албанецъ, это лишь произволь! Государству вовсе это не нужно и должно намъ всѣ мѣры принять, чтобы не дать издѣваться надъ нами.

— Не дадимъ, не дадимъ! снова воскликнуло нѣсколько голосовъ, а хозяинъ сидѣлъ и въ знакъ одобренія тихо качалъ головою.

— Но я расскажу вамъ получше, вдругъ заговорилъ почтеннаго вида турокъ съ пріятнымъ, благообразнымъ лицомъ. Они (и онъ показалъ рукою куда-то въ сторону) не пощадили самыхъ основъ нашего государства, торжественно продолжалъ онъ. Они уронили престижъ властей. Учредили надъ ними строжайшій контроль и очернили названіемъ взятки всякій невинный даже доходъ съ обывателя, вѣками служившій лишь справедливой наградой за нашъ тяжелый общественный трудъ. По образцу государствъ Европы они завели какой-то парламентъ, а газетамъ предоставили глупѣйшее право писать обо всемъ, лишь бы стало охоты. Известнаго родинѣ всей Ибрагима-пашу въ газетахъ такъ оплевали, что даже судили его. И только за то, что вѣрный старымъ завѣтамъ страны онъ не гнушался изъ любви къ своимъ подчиненнымъ подарки отъ нихъ принимать; за то, что отъ избытка такихъ подношеній, онъ купилъ себѣ площадь земли, построилъ два чудныхъ дворца и женъ три десятка держалъ въ нихъ; за то, наконецъ, что какую-то сумму большую, для постройки дороги назначенную, онъ обратилъ на устройство личныхъ имѣній. И за всѣ эти безобидныя мелочи, не стоящія даже вниманія, вдругъ лишаютъ его всѣхъ чиновъ, орденовъ и со службы вонъ выгоняютъ! А за что, за что же, скажите? За то лишь, что онъ никого не оби-

дѣлъ, да дороги какой-то тамъ не построилъ по которой въ нашей странѣ даже и ѣздить-то некому. Но придрались и къ этому и погибъ ни за что Ибрагимъ, нашъ умнѣйшій, честнѣйшій и славный.

Такъ закончилъ свою рѣчь рассказчикъ и слезы накопившейся горечи струились по его блѣдному лицу.

И опять водворилось глухое молчаніе и всѣ погрузились въ мрачныя думы.

— И всюду такіе порядки настали, вдругъ визгливымъ голосомъ снова нарушилъ тишину гость, сидѣвшій рядомъ съ хозяиномъ. Тридцать лѣтъ служу я въ различныхъ таможняxъ нашей обширной границы, продолжалъ онъ, и благо отечества всѣми силами мы соблюдали. А если, когда разрѣшали что перенести отъ сосѣдей, такъ только изъ любви къ нашему бѣдному брату, такъ какъ товары дешевле онъ могъ получать. А тутъ и это невинное дѣло окрестили страшнымъ грѣхомъ и чуть не съ измѣной сравнили. И завели тамъ такіе порядки, что хоть бѣги отъ границъ безъ оглядки.

Рассказчикъ умолкъ.

Тогда заговорилъ самъ Саладинъ (такъ звали хозяина).

— Посягнувъ на священную особу калифа, воскликнулъ онъ, они презрѣли и древнѣйшій, вѣками сложившійся, строй государства; они сокрушили обычаи наши и старину попирають ногами; и воиетъ исторія предковъ о мщеніи, мщеніи страшномъ. И должны мы поклясться, что, какъ вѣрные дѣти пророка, отстоимъ наше старое доброе время, нашу тихую, мирную жизнь, а великій Аллахъ да поможетъ намъ въ этомъ!

И, охваченный приливомъ сильнѣйшаго чувства, Саладинъ не могъ уже сидѣть спокойно, а, вскочивъ съ своего мѣста и поднявъ руки ладонями кверху, сталъ усиленно молиться, призывая благословеніе пророка на тяжелую борьбу. Гости также встали и, окруживъ хозяина, громкими восклицаніями приносили клятву въ непоколебимой вѣрности старому строю и въ смертельной борьбѣ съ новымъ порядкомъ.

Наконецъ, Саладинъ успокоился и отпустилъ своихъ гостей, которые, отвѣсивъ хозяину глубокой поклонъ, одинъ за другимъ тихо стали выходить изъ комнаты на дворъ мечети.

Кругомъ было тихо. Полная луна ярко свѣтила съ неба, а таинственный плескъ воды въ бассейнѣ пріятно ласкалъ слухъ въ этой ночной тишинѣ. Дворъ былъ совершенно пустъ и лишь глухіе

шаги гостей Саладина раздавались по каменнымъ плитамъ и терялись подъ темными стѣнами мечети.

Едва только Мустафа вышелъ отъ Саладина, какъ какая-то фигура, незамѣтно притаившаяся въ темномъ углу двора, отдѣлилась отъ стѣны и послѣдовала за нимъ. Мустафа, простившись съ товарищами, направился снова черезъ площадь военнаго министерства и, миновавъ Сулейманіе, свернулъ въ узкій, глухой переулокъ; здѣсь никого не было, и онъ медленно шелъ задумавшись. Слѣдовавшая за нимъ фигура, которую можно было принять за бродячаго нищаго, быстро догнала его, и Мустафа услышалъ тихій шопотъ:

— Слава Богу, господинъ, я вижу васъ живымъ и здоровымъ.

— Петро! чуть не воскликнулъ Мустафа, узнавъ въ этомъ убогомъ нищемъ своего вѣрнаго слугу.

Не останавливаясь, они продолжали идти дальше, причемъ Петро слѣдовалъ нѣсколько позади, какъ бы прося подаяніе. Онъ сознался, что всегда въ такомъ видѣ охранялъ своего, барина во время его опасныхъ прогулокъ.

— Будьте покойны, сказалъ онъ, Петро сумѣетъ придти вамъ на помощь, и, какъ бы въ доказательство этого, онъ схватился за пистолетъ и показалъ, что у него подъ рубищемъ былъ цѣлый арсеналъ всевозможнаго оружія.

Мустафа съ благодарностью крѣпко пожалъ руку своему вѣрному слугѣ и въ волненіи прошепталъ:

— Да, съ такими людьми мы всего достигнемъ, а тѣ, и онъ усмѣхнулся по адресу Саладина и его гостей, намъ въ этомъ только помогутъ.

И торжествующая улыбка озарила его мрачное лицо.

Придя домой, онъ съ удвоенной энергіей занялся какими-то очень важными дѣлами, и ужъ брезжило утро, когда Мустафа улегся въ постель, но предварительно сжегъ на свѣчкѣ всѣ бумаги и замѣтки, бывшія у него на столѣ, и теперь нескромный глазъ, какъ бы онъ ни старался, ничего бы здѣсь не нашелъ, кромѣ обыкновенныхъ книгъ и журналовъ.

На другой день погода стояла, хотя и холодная, но небо было ясно и безоблачно, и улицы были полны самой разнообразной публики. Среди снующей по площади Магомета II толпы проходилъ видный, одѣтый по-европейски и съ красной феской на головѣ, турокъ, въ которомъ теперь никто не могъ бы узнать вчерашняго Мустафу, между тѣмъ, какъ это былъ именно онъ, про-

биравшійся къ ряду извозчиковъ, стоявшихъ въ концѣ площади. Сѣвъ на одного изъ нихъ, онъ приказалъ вести себя въ Пера.

Переѣхавъ по мосту черезъ Золотой Рогъ, извозчикъ съ трудомъ тащилъ его по довольно крутому подъему изъ Галаты въ Пера, который былъ загроможденъ теперь кучами земли, камня и всевозможнаго матеріала, сложеннаго для постройки трамвая, что дѣлало этотъ подъемъ еще болѣе затруднительнымъ.

— Тоже слѣды прогресса, подумалъ Мустафа, глядя на эти работы. И всюду, на каждомъ шагу, видны слѣды ихъ энергіи и труда; надо спѣшить, надо спѣшить! какъ бы самъ съ собою говорилъ онъ, смотря на кипѣвшую кругомъ работу.

Наконецъ, экипажъ выѣхалъ на ровное мѣсто и покатился быстрѣе. Вскорѣ онъ остановился у одного изъ домовъ противъ городского сада.

Мустафа, расплатившись съ извозчикомъ, вошелъ въ подъѣздъ этого дома и позвонилъ въ одну изъ квартиръ.

Черезъ минуту онъ уже входилъ въ кабинетъ хозяина этой квартиры.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой нашъ Магометъ! привѣтствовалъ его шедшій навстрѣчу мужчина, дружески протягивая ему руки.

Затѣмъ онъ повлекъ за собою гостя и, усадивъ его около своего письменнаго стола на удобное мягкое кресло, пододвинулъ къ нему ящикъ съ сигарами.

Магометъ (онъ же Мустафа) взялъ любезно предложенную ему сигару и съ удовольствіемъ закурилъ ее, откинувшись на спинку кресла.

Между тѣмъ Аликъ-Али, такъ звали хозяина, сидя у стола погрузился въ глубокое раздумье.

Онъ былъ очень красивъ собою, но теперь его прекрасное лицо было серьезнымъ. Рука его, лежавшая на письменномъ столѣ и игравшая разнѣннымъ венеціанскимъ ножомъ, слегка дрожала, и пальцы судорожно сжимали ручку ножа. Было ясно, что какія-то внутреннія мысли волновали и раздражали его.

Наконецъ, онъ заговорилъ.

— Всѣ наши старанія на каждомъ шагу встрѣчаютъ глухое, но упорное сопротивленіе. Глухіе и слѣпые! Они не видятъ и не слышатъ призыва служенія родинѣ и не понимаютъ, что она стоитъ на краю гибели. Изъ послѣднихъ силъ выбиваемся мы, чтобы обновить нашъ дряхлѣющій строй и спасти отъ паденія, но всѣ

наши мѣры вызываютъ лишь глухую борьбу противленія. Усилія наши, продолжалъ онъ, начиная волноваться сильнѣе и постепенно возвышая голосъ, поднять въ войскахъ дисциплину, обучить и устроить армію нашу, чтобы она могла служить надежнымъ оплотомъ странѣ,—они считаютъ лишь посягательствомъ на традиціи ихъ, на завѣты сѣдой старины. А стремленія наши къ устройству вопроса церковнаго они выставляютъ народу, какъ издѣвательство надъ святою религіей нашей, какъ подкопъ подъ ученье Пророка; сами же они служатъ не идеаламъ Всемогущаго Бога, ни даже родной странѣ, а лишь преслѣдуютъ личныя выгоды, стараясь сохранить народъ въ океанѣ злыхъ предрасудковъ. Наша борьба съ вкоренившимся зломъ—воровства, лихоимства, обмана—всюду встрѣчена градомъ упрековъ, будто этимъ мы подрываемъ лишь бытовые устои страны. И комплоты одинъ за другимъ вырастаютъ на нашей дорогѣ, а время не ждетъ и бѣжитъ, и опасность къ странѣ приближается. О несчастная, бѣдная родина! Что ожидаетъ тебя впереди, и какой тебѣ выпадетъ жребій!

И Аликъ-Али, высказавъ это, облокотился руками на столъ, а глаза устремились въ окно, и по щекѣ его покатила слезинка и мелкою каплей упала на полъ.

Взволнованный Магометъ всталъ и быстро зашагалъ взадъ и впередъ вдоль кабинета.

Въ этотъ моментъ шелохнулась портьера и въ комнату вошла прекрасная женщина, одѣтая въ черное платье.

Магометъ поспѣшилъ ей навстрѣчу и почтительно поцѣловалъ ей руку.

Красавица, привѣтливо съ нимъ поздоровавшись, подошла къ Алику и, положивъ ему руку на голову, прислонилась къ креслу, на которомъ онъ сидѣлъ. И лицо его вдругъ просвѣтлѣло, какъ будто счастливымъ лучомъ озаренное, и уже успокоенный съ чувствомъ поцѣловалъ онъ руку жены.

— Вотъ кто меня ободряетъ! воскликнулъ Аликъ, обращаясь къ гостю. Вотъ въ комъ силы свои почерпаю, говорилъ онъ, и слѣды недавней печали исчезли съ его еще блѣднаго лица.

Между тѣмъ хозяйка, подавъ руку Магомету, пригласила его закусить, и они направились въ столовую, гдѣ былъ накрытъ столъ и сервированъ завтракъ.

Очаровательная Цецилія, такъ звали хозяйку, съ большимъ умѣньемъ придала разговору веселый характеръ, въ чемъ гость помогалъ ей всѣми усиліями, и въ концѣ завтрака они болтали оживленно и весело, и Аликъ успокоился совершенно.

Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ Францію и жизнь въ Парижѣ, гдѣ провелъ много лѣтъ подъ рядъ, гдѣ встрѣтилъ, полюбилъ и женился на прекрасной Цециліи, которая стала вѣрною подругою въ его дальнѣйшей бурной и полной опасностей жизни, дѣлая его увѣреннымъ въ борьбѣ и счастливымъ.

По окончаніи завтрака Цецилія попросила мужчинъ въ гостиную пить кофе, а сама, выйдя на минуту въ другую комнату, снова явилась, ведя за руку прехорошенькаго мальчика съ выразительными, какъ у отца, темными глазками.

— Вотъ и нашъ Гирикъ! сказала она, подводя мальчика къ гостю и съ материнской гордостью смотря на своего дѣйствительно прелестнаго ребенка.

— Вотъ наше будущее! говорилъ счастливый отецъ, глядя мальчика по кудрявой головкѣ. И если только странѣ дадутъ пожить безъ ударовъ извнѣ, продолжалъ онъ, то мы сумѣемъ побороть всѣ препятствія, растопить этотъ ледъ закоснѣлой отсталости и вернуть нашу мощь и величіе. Но теперь мы безсильны, какъ дѣти, и если только замѣтятъ это враги, то не слава и счастье, а горе и ужасный позоръ поразятъ нашу бѣдную родину.

И Али, говоря это, крѣпко прижалъ къ груди своего сына и поднялъ глаза къ небу, какъ бы ища тамъ отвѣта на эти вопросы.

— Если же providѣніе подаритъ намъ десятокъ лѣтъ, снова воскликнулъ онъ, то мы совершимъ наше великое дѣло, и тогда намъ не страшень ужъ будетъ никто! И вотъ онъ, сказалъ Али, показывая на сына, пойдетъ ужъ по торной дорогѣ безъ страха, сомнѣній и грозъ.

И, говоря это, онъ снова привлекъ къ себѣ Гирика и крѣпко поцѣловалъ его.

Между тѣмъ гость всталъ и началъ прощаться съ гостепріимными хозяевами.

Выйдя на улицу, онъ долго бродилъ по городу, такъ какъ голова его горѣла и мысли въ ней путались, и хотѣлось свѣжаго воздуха. Только утомившись до истощенія силъ, онъ возвратился къ себѣ домой и снова принялся за какую-то серьезную и таинственную работу.

Прошло нѣсколько дней. Свинцовыя тучи снова повисли надъ столицей мусульманскаго міра, и мелкій холодный дождь съ ожесточеніемъ барабанилъ по крышамъ домовъ, наводя уныніе на случайныхъ прохожихъ, которыхъ судьба заставила выйти въ такую непогоду на улицу.

Одинъ изъ такихъ прохожихъ торопливо шелъ около Нури Османіе; онъ клялъ и этотъ безконечный дождь, и этотъ пронизывавшій до костей промозглый воздухъ. Прохожій этотъ былъ никто иной, какъ Мустафа.

Миновавъ Нури Османіе, онъ пошелъ по направленію министерства полиціи, обгоняя на пути прохожихъ.

Вдругъ Мустафа услышалъ около себя знакомый голосъ, окликнувшій его по имени, и увидѣлъ выходящаго изъ воротъ министерства Саладина, котораго тотчасъ же узналъ, несмотря на то, что онъ былъ плотно закутанъ въ плащъ.

Мустафа былъ очень недоволенъ этой встрѣчей; ему хотѣлось отдѣлаться отъ неожиданнаго спутника и, на вопросъ Саладина— куда онъ идетъ, отвѣчалъ— «сюда», показывая рукою на темнѣющую впереди громаду Айя-Софіи, рассчитывая, что тотъ направляется куда-либо дальше и оставитъ его въ покоѣ.

Но Мустафа ошибся въ расчетѣ, такъ какъ Саладинъ сказалъ: «ну, значить, по дорогѣ», и пошелъ съ нимъ рядомъ.

Мустафѣ ничего не оставалось, какъ пойти въ мечеть, хотя это совершенно не совпадало съ его планами.

Черезъ нѣсколько минутъ они уже входили подъ темную сѣнь колоссальнаго храма.

Кое-гдѣ въ полумракѣ были видны фигуры сидящихъ и расprostертыхъ на полу мусульманъ, но даже шорохъ не нарушалъ царившей въ мечети торжественной тишины.

Саладинъ тоже опустилсѣ на полъ и Мустафа, послѣдовавъ его примѣру, присѣлъ рядомъ съ нимъ на циновку.

Въ то время, какъ Саладинъ горячо молился, Мустафа озиралъ этотъ чудный историческій храмъ, гдѣ нѣкогда прославлялась вѣра Христова.

И вдругъ его взглядъ упалъ на фигуру, которая показалась ему знакомой; всмотрѣвшись, онъ узналъ въ ней Алика-Али.

И онъ здѣсь! мелькнуло въ головѣ Мустафы, и онъ посмотрѣлъ на горячо молившагося Алика, губы котораго тихо шептали: «Великій Аллахъ! Внемли молитвамъ нашимъ и вразуми несчастныхъ братьевъ нашихъ, которые, думая служить своей родинѣ, ослабляютъ, терзаютъ и убиваютъ ее. О, Аллахъ, Аллахъ!»

Въ то же время Саладинъ, сидя рядомъ съ Мустафой, тоже горячо молился.

«Великій Аллахъ!» твердилъ онъ, «снизойди твоею безмѣрною милостью къ вѣрнымъ твоимъ мусульманамъ. Умудри, защити,

поддержи насъ въ этотъ часъ роковой, когда братъ возстаетъ ужъ на брата и, не жалѣя сѣдой старины, попираетъ наши основы. О, нашъ Аллахъ, милосердный, великій! Умудри ихъ, разсѣй, уничтожь, и насъ на борьбу укрѣпи!»!

Такъ призывалъ Саладинъ всѣ громы и молніи на головы своихъ враговъ и въ религіозномъ порывѣ распростерся на полу мечети и какъ бы застылъ въ такомъ положеніи.

Между тѣмъ Мустафа съ чувствомъ невольнаго трепета озирался кругомъ, и мысли его понесли въ то далекое прошлое, когда подъ великою сѣнью этого храма молиться сюда собирались братья его по вѣрѣ Христа.

И вспомнилъ онъ страшный день 29-го мая 1453 г., когда побѣдоносный воитель Магометъ II, весь въ крови христіанской, на конѣ своемъ вѣхалъ подъ эти могучіе своды и въ знакъ своей полной побѣды надъ христіанствомъ нанесъ своимъ мечомъ страшный ударъ по одной изъ гранитныхъ колоннъ, изъ которой, какъ преданье гласитъ, потекла алая кровь на церковный помостъ; а самъ Магометъ, изнуренный борьбою, сидя въ сѣдлѣ, о колонну рукою оперся, и кровавые слѣды его пальцевъ отпечатались на безжизненномъ камнѣ, какъ бы вѣщая всему міру о той кроважидности, которую онъ проявилъ при взятіи Византіи, отдавъ ее на разграбленіе своимъ воинамъ въ теченіе трехъ дней.

И дальше преданье гласитъ, будто ему доложили, что въ какой-то маленькой церкви подъ хорами продолжалъ еще службу священникъ, и разгнѣванный Магометъ приказалъ немедленно привести его къ себѣ.

Но посланные, несмотря на всѣ ихъ усилія, никакъ не могли отворить дверей этого храма.

И въ это время будто султану было видѣніе, что не откроются эти церковныя двери до тѣхъ поръ, пока мусульмане будутъ владѣть Византіей, и если снова растворятся, то это будетъ вѣщать лишь о близкой кончинѣ владычества ихъ надъ Константинополемъ.

Тогда Магометъ, испугавшись, приказалъ забить и задѣлать ихъ вовсе, чтобы отъ нихъ и слѣда не осталось.

И вотъ теперь все это вспомнилось Мустафѣ и, сидя рядомъ съ Саладиномъ, онъ невольно поднял свою голову, какъ бы взоромъ ища эту таинственную дверь, и вдругъ онъ увидѣлъ какой-то загадочный свѣтъ, озарившій огромный куполь мечети; лучъ этого свѣта проникъ въ сокровенную нишу, и на гладкой доселѣ

стѣнѣ вдругъ появилась глубокая трещина и, расширяясь все больше и больше, она обнаружила темную дверь.

Пораженный Мустафа глазъ не сводилъ съ этой двери и вдругъ онъ замѣтилъ, что и она растворяется. Онъ напрягъ все свое зрѣніе и черезъ тонкую щель растворявшейся двери увидѣлъ чудный божественный храмъ и священника въ свѣтлыхъ одеждахъ, выходящаго изъ алтаря съ сіяющимъ небеснымъ свѣтомъ крестомъ. И почудилось Мустафѣ, будто невидимый хоръ голосовъ звучно запѣлъ «Тебя Бога хвалимъ! Тебя Господа исповѣдуемъ!»! И эти дивные звуки полились подъ сводами храма, наполнивъ сердце Мустафы неизъяснимою радостью, и онъ молился такъ, какъ никогда еще не молился.

Но видѣніе исчезло. Мустафа, вставъ, быстро пошелъ изъ мечети и, выйдя на улицу, чуть не побѣжалъ къ себѣ домой, безпрерывно повторяя: «храмъ растворяется, храмъ растворяется»!

Вѣрный Петро подумалъ, не лишился ли господиць его разсудка, и печально побрелъ въ свою каморку, между тѣмъ какъ Мустафа снова сѣлъ за работу, за которую застало его и свѣтлое утро слѣдующаго дня. Но не усталостью, а свѣжестью, отвагою и энергіей дышало теперь это лицо, сіявшее надеждою, любовью и счастіемъ. И въ этотъ мигъ лучъ ранняго утра освѣтилъ одинъ изъ видимыхъ изъ окна минаретовъ Айя-Софіи, и Мустафа, не спуская съ него своего восхищеннаго взора, шепталъ: «Наконецъ, растворились! Теперь впередъ, впередъ и впередъ! И никакія ужъ силы намъ не страшны, такъ какъ отнынѣ съ нами Богъ! Разумѣйтежъ языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ»!

Н. Заринъ.

